

ИШТВАН БАТОРИ (Кобленц—Бонн)

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ГАРМОНИИ ГЛАСНЫХ И ВЛИЯНИЕ ЕГО НА ПЕРМСКИЙ ВОКАЛИЗМ *

Несмотря на единодушное мнение в литературе по истории пермского вокализма об отсутствии фонологических оппозиций между переднерядными и заднерядными гласными в непервых слогах раннего периода общепермского языка, исчезновение гармонии гласных в пермских языках остается до сих пор не объясненным (например, Itkonen 1953—1954; Лыткин 1964; Основы 1976 : 166). Данная работа представляет собой попытку объяснить утрату гармонии гласных в пермских языках пятью логическими шагами:

- 1) в результате прекращения действия гармонии гласных гласные непервых слогов остаются непалатальными,
- 2) новая раннепермская регрессивная ассимиляция изменяет качество гласных первого слога,
- 3) вследствие сужения гласных в первом слоге фонематическое противопоставление *a* — *ä* пропадает,
- 4) добавочная лабиализация происходит, создавая *o* (<*e*), или не происходит, создавая новый непалатальный и неогубленный гласный *e* (<*e*),
- 5) конечные гласные утрачиваются.

Далее изменения объясняются в подробностях.

1. По мнению Э. Коренчи (Korenchy 1974 : 74), в первом слоге пермского праязыка передние и задние гласные не различались — значит, гармонии гласных уже не было.¹

Хотя фонематическая оппозиция исчезла, сохранилась непалатальная артикуляция гласных — это проявлялось особенно в позиции после переднерядных гласных. Гласные после непереднерядных уже всегда были непереднерядными.

Данное явление наблюдается и сегодня в вокализме окончаний пермских языков (Современный коми язык 1965 : 41; Грамматика современного удмуртского языка 1962 : 32—33). Предпочтение заднерядности наблюдается и в других финно-угорских языках, а именно в эстонском, вепском и ливском (в определенных условиях и в финском, см. Wiik

* Текст доклада, прочитанного на VI Международном конгрессе финно-угроведов (Сыктывкар, 1985 год).

¹ Гармония гласных воспринимается здесь как активная ассимиляция гласных непервых слогов по переднему (или заднему) положению языка под влиянием гласного первого слога. Ассимилятивная сущность ее проявляется особенно в уподоблении гласных в окончаниях, которое нельзя объяснить как (случайное) распределение фонем (ср. Wiik 1975 : 20—22; Bátori 1982 : 165).

1975 : 15, 24). Здесь заднерядные гласные могут стоять после переднерядных (эст. *küla*, *näha*, *pesa* и т. п.), но никогда не наоборот: нет переднерядных после заднерядных (**kulä* и **nahä* невозможны):

фин.		эст.		лив.		вепс.
<i>pesä</i>	'гнездо'	<i>pesa</i>		<i>peza</i>		<i>peza</i>
<i>miniä</i>	'сноха'	<i>minia</i>		<i>miña</i>		<i>miñä</i>
<i>vävy</i>	'зять'			<i>väi mees</i>		<i>vävu</i>
<i>kylä</i>	'село'	<i>küla</i>		<i>kila</i>		<i>küla</i>
<i>silmä</i>	'глаз'	<i>silm</i> (ген. ед. ч. <i>silma</i>)		<i>silma</i>		<i>silmad</i> (мн. ч.)
<i>emä</i>	'мать'	<i>ema</i>		<i>jäma</i>		<i>emag/emäg</i>

и т. п. (EEWb; Laanest 1982 : 129—130).

В пермских языках также сохранились некоторые следы, свидетельствующие о том, что после исчезновения гармонии гласные в непервых слогах получили непалатальную окраску:

доперм.		коми	
* <i>ñelä</i> + <i>mone</i>	'40'	* <i>ñela</i> + <i>mone</i> >>	<i>ñelamɨn</i>
* <i>witte</i> + <i>mone</i>	'50'	* <i>wite</i> + <i>mone</i> >>	<i>vetimɨn</i>
* <i>perä</i> (<i>k</i>)	'опять'	* <i>bera</i> (<i>k</i>) >>	<i>bara</i> (КЭСК)

(В последнем слове гласный *a* второго слога может быть и окончанием.)

На основании изложенного предполагается, что после отмирания гармонии гласных слова прапермского языка стали двусложными и гласный второго слога — непалатальным.

2. Утрата гармонии гласных означает прекращение прогрессивной ассимиляции — и это часто происходит одновременно с появлением регрессивной ассимиляции, как например, в саамских языках (подробнее см. *Bátogi* 1981 : 34—39; 1982 : 167). В саамском праязыке произошла регрессивная ассимиляция гласного первого слога под влиянием второго по подъему языка: перед *a/ä* гласные в общесаамском праязыке стали более открытыми, перед *e* — более закрытыми; например:

	ф.-у.		фин.	саамН
<i>o/e—a/ä</i>	* <i>ksta</i>	'дом'	<i>kota</i>	<i>goatte</i>
	* <i>oksa</i>	'ветвь'	<i>oksa</i>	<i>oakse</i>
	* <i>elä-</i>	'жить'	<i>elää</i>	<i>ællet</i>
	* <i>ñelä</i>	'четыре'	<i>neljä</i>	<i>njæl'ljě</i>
	* <i>peljä</i>	'ухо'	—	<i>bæl'lje</i>
<i>o—e</i>	* <i>koškz</i>	'водопад'	<i>koski</i>	<i>guoi'ká</i>
	* <i>loše</i>	'семга'	<i>lohi</i>	<i>luossâ</i>
	* <i>sorme</i>	'палец'	<i>sormi</i>	<i>suor'bmâ</i>

(ср. *Korhonen* 1981 : 83—93; *Itkonen* 1939 : 68—69; реконструкции по КЭСК).

Подобное явление наблюдается и в пермских языках, см. *Itkonen* 1953—1954 : 278; *Rédei* 132—137; *Korenchy* 1974 : 43—46. Влияние гласного второго слога на предыдущий изучалось в связи с открытым и закрытым *o/ø* в верхнесольском диалекте и в связи с древнепермской письменностью. Оно убедительно в значительном количестве случаев. Здесь показано лишь несколько иллюстративных комбинаций фонем.

Гласные *o* и *i* перед среднезакрытым *e* или *e̞*; в этих словах наблюдается в первом слоге — по сравнению со второй группой слов — более узкий гласный, например:

	ф.-у.		праперм.	коми	удм.
<i>o</i> → <i>u</i> перед <i>e/e̞</i>	* <i>joke</i>	'река'	* <i>juke</i>	<i>ju</i>	<i>ju</i>
	* <i>jonkće</i>	'лебедь'	* <i>juške</i>	<i>juś</i>	<i>juś</i>
	* <i>woje</i>	'масло'	* <i>woje</i>	<i>vij</i>	<i>vej</i>
	* <i>koje</i>	'заря'	* <i>koje</i>	<i>kļa/kīva</i>	
<i>i</i> → <i>i</i> перед <i>e/e̞</i>	* <i>pilwe</i>	'облако'	* <i>pilwe</i>	<i>piv</i>	<i>pilem</i>
	* <i>nime</i>	'имя'	* <i>nime</i>	<i>nim</i>	<i>nim</i>

Во второй группе слов, наоборот, перед первоначальным *a* или *ä* наблюдается более открытый рефлекс тех же гласных:

<i>o</i> → <i>o</i> перед <i>a</i>	* <i>ońća</i>	'перед'	* <i>ońća</i>	<i>vodź</i>	<i>ađź</i>
	* <i>korwa</i>	'ухо'	* <i>korwa</i>	<i>kor</i>	<i>kwar</i>
	* <i>ksta</i>	'дом'	* <i>kota</i>	<i>-ka/-ko</i>	<i>-ka/-ko</i>
<i>i</i> → <i>e</i> перед <i>a/ä</i>	* <i>ilma</i>	'небо'	* <i>ilma</i>	<i>jen</i>	<i>in</i>
	* <i>mšňä</i>	'сноха'	* <i>miña</i>	<i>moñ</i>	<i>-meñ</i>
	* <i>pićla</i>	'рябина'	* <i>pilža</i>	<i>peļiś</i>	<i>paleź</i>
	* <i>wiśz</i>	'зависть'	* <i>viša</i>	<i>vež</i>	<i>vož-</i>
	* <i>wiča</i>	'косой'	* <i>viča</i>	<i>vež</i>	<i>vož</i>

(КЭСК; SKES; Korenchy 1974 : 43—62).

Хотя название «горизонтальная гармония» К. Редери не удачно, нельзя усомниться в том, что регрессивная ассимиляция в пермском праязыке действовала. Такое уподобление возможно лишь до тех пор, пока гласный второго слога существует, т. е. до отпадения конечных гласных. Но если гласные непервых слогов оказали влияние по подъему языка на предыдущие, то их влияние возможно и по другим артикуляционным признакам, а именно — по заднерядности. Как последующие примеры показывают, непереднерядные гласные второго слога превратили и первоначально переднерядные гласные первого слога в непереднерядные:

финно-угорский праязык	* <i>nelä</i>		фин. <i>neljä</i>
	↓	исчезновение гармонии гласных	
раннеобщепермский I	* <i>nela</i>		коми <i>nelamin</i>
	↓	веляризация под влиянием второго слога	
раннеобщепермский II	<i>ńola</i>		
	↓	отпадение конечных гласных	
древнепермский	<i>ńol'</i>		коми <i>ńol'</i>

Веляризацию под влиянием второго слога могут объяснить также коми *sozor* 'огрех в ткани' и удм. *сузэр* 'сестра' < доперм. **sesar* (ср. фин. *sisar*, вепс. *sizar*), где гласный второго слога, вызвавшего веляризацию предыдущего гласного, сохранился. (Лабильность звука *o* по сравнению с *e* ниже объясняется подробнее.)

Веляризацию гласных в пермских языках изучали Э. Итконен (Itkonen 1953—1954 : 271—277), В. И. Лыткин и другие, но убедительного

объяснения они не дали. И в «Основах финно-угорского языкознания» (1974 : 167) веляризация лишь устанавливается без приведения причины этого изменения.

Э. Итконен представил более сорока примеров, в которых наблюдается веляризация, нередко наряду с другими изменениями:

	ф.-у.	фин.	коми	удм.	
$e \rightarrow o / -a$	* <i>pesä</i>	'гнездо'	<i>pesä</i>	<i>poz</i>	<i>puz</i>
	* <i>čečä</i>	'дядя'	<i>setä</i>	<i>čož</i>	<i>čuž</i>
	* <i>elä-</i>	'жить'	<i>elää</i>	<i>ovni</i>	<i>ulini</i>
	* <i>kerjä-</i>	'просить'	<i>kerjätä</i>	<i>korni</i>	<i>kurini</i>
	* <i>kere</i>	'кожура'	<i>keri</i>	<i>kqr</i> (вс)	<i>kur</i>
	* <i>pele-</i>	'бояться'	<i>pelätä/</i> <i>pelkää</i>	<i>povni</i> (вс)	<i>pulini</i>
	* <i>menz-</i>	'идти'	<i>mennä</i>	<i>munni</i>	<i>mini</i>
	* <i>wete</i>	'вода'	<i>vesi</i>	<i>va</i>	<i>vu</i>
	* <i>mete</i>	'мед'	<i>mesi</i>	<i>ma</i>	<i>mu</i>
	* <i>sesar</i>	'сестра'	<i>sisar</i>	<i>sozor</i>	<i>suzer</i>
	* <i>läkte-</i>	'прийти'	<i>lähteä</i>	<i>lokni</i> <i>lokt-</i>	<i>likti</i>

и т. п.

(ср. Itkonen 1953—1954 : 267—285; Лыткин 1964 : 76—116; КЭСК; а также Лыткин 1970 : 221—238).

Здесь следует отметить, что в отличие от регрессивной ассимиляции по подъему языка уподобление по заднерядности не зависит от хронологии отпадения конечных гласных, так как все гласные в окончаниях одинаково были не переднерядными (*a*, *e* или *i*).

3. В пермских языках вообще наблюдается сужение гласных первого слога (Rédei 1969 : 130—141; Korenchy 1974 : 64 и сл., ср. Основы 1974 : 174—176). Прежде всего заднерядные гласные перешли в гласные более закрытого образования ($a \rightarrow o, \varrho, u$ или $o \rightarrow \varrho, u$), например:

	ф.-у.	фин.	коми	удм.	
$a \rightarrow o$	* <i>särñz</i>	'разговор'	<i>saarna</i>	<i>šorñi</i>	—
	* <i>kanča</i>	'народ'	<i>kansa</i>	<i>gqz</i> (<i>gozj-</i>)	<i>kuz</i>
	* <i>sata</i>	'сто'	<i>sata</i>	<i>šq</i>	<i>šu</i>
$a \rightarrow u$	* <i>jaka-</i>	'делить'	<i>jakaa</i>	<i>jukni</i>	<i>jukini</i>
	* <i>para</i>	'добрый'	<i>paras</i>	<i>bur</i>	<i>bur</i>
$o \rightarrow u$	* <i>joke</i>	'река'	<i>joki</i>	<i>ju</i>	<i>iu</i>
	* <i>kolme</i>	'три'	<i>kolme</i>	<i>kujim</i>	<i>kuiñ</i>

(ср. Itkonen 1953—1954 : 279—285; КЭСК).

Вследствие сужения гласных фонематическое противопоставление на нижнем подъеме ($a \leftrightarrow \ddot{a}$) ослабло и пропало также в первом слоге.² Процесс сужения гласных происходил в общепермском праязыке одновременно с исчезновением гармонии гласных и не был в причинной связи с последним. Как в первом слове, так и в первом без фонематической оппозиции между *a* и \ddot{a} развилась единая гласная фонема нижнего подъема с преобладающей непалатальной окраской. Из-за переоценки гласного нижнего подъема перм. *a* соответствует первоначальному (ф.-у.) \ddot{a} . Это развитие трактуется в литературе как обычное (хотя не совсем закономерное) звуковое изменение:

² В этом смысле можно понять В. И. Лыткина (1952 : 88), представившего древнепермский *a* как средний гласный (ср. Itkonen 1953—1954 : 266, 339).

ф.-у.		фин.	коми	удм.
*nã	'эти'	nãmã	naje	
*tã	'это'	tãmã	taje	ta
*ãjã	'отец'	ãijã	aj	ajj
*kãčz	'можжевелик'	саамН gãskãs	kač-pomel'	

(ср. Itkonen 1953—1954 : 265, 173; Kogonch 1974 : 51; КЭСК).

4. Как изменение $e > o$ не ограничивается веляризацией, так и чередование $a \sim o$ (или $\sim u$) нельзя объяснить только сужением гласных. Следует учитывать и огубленность возникшего (нового) гласного. Развитие неогубленных непереднерядных гласных идет двумя путями: с добавочной лабиализацией и без нее. В первом случае из гласного e в результате веляризации возник обычный гласный o , который существует уже в системе гласных пермского праязыка (*peza > *poza; *ela > *ola и т. д.). Во втором из e возник непереднерядный, неогубленный гласный, т. е. e , как это наблюдается в коми-зырянских словах (что соответствует финно-угорскому первоначальному \ddot{a}):

ф.-у.		фин.	коми	удм.
*pãlã	'половина'	саамН bãlle	*pev	pal
*jãlz	'молоко'	jãlsi	jev	jel
*tãlã	'зима'	talvi	tev	tol
*lãčz-	'готовить'	саамН lãčcet	lešedni	leštini
*perã	'задняя часть'	perã	ber	ber
*kertz-	'завязывать'	саам. *gãrlãt	kertavni	kerttini

(ср. Лыткин 1964 : 117—127, 153—158; КЭСК; Itkonen 1953—1954 : 291, 305—306).

5. Отпадение конечных гласных невозможно точно датировать (см. Molnár 1974 : 99, Rédei, Róna Tas 1972 : 281—298). Вероятно, они не исчезли сразу; можно предположить, что основы, которые утратили конечные гласные раньше, не претерпели веляризации под влиянием второго слога — и в таком случае первоначальный e мог сохраниться³:

			коми	удм.
*čẽnkã-	'сломать'	венг. szegni	čegni	čigini
*ãjmã	'игла'	фин. äimã	jem	
*kãñcz-	'повернуть'	фин. kãántãä	kežni	kožini
*peksã-	'мять'	фин. pieksãä	pesni	posini
*were	'кровь'	фин. veri	vir	vir

и т. п.

Логически последний шаг, отпадение конечных гласных, происходил в таких случаях уже перед веляризацией гласных в первом слоге: доперм. *čẽnkã- > древнеперм. *čeg- > коми čeg-.

Если, наоборот, конечные гласные исчезли лишь поздно, вследствие регрессивной ассимиляции наблюдается веляризация и o или e возникает из первоначального e/\ddot{a} , как указано выше: доперм. *pesã > древнеперм. *peza > *poza > коми poz.

³ Систематическое исследование заимствований с этой точки зрения может здесь помочь выяснить дальнейшие подробности, ср. Rédei, Róna Tas 1972; Harms 1981.

ЛИТЕРАТУРА

- Грамматика современного удмуртского языка, Ижевск 1962.
- Лыткин В. И. 1952, Древнепермский язык, Москва.
- 1964, Исторический вокализм пермских языков, Москва.
- 1970, О вокализме непервого слога финно-угорских языков. — СФУ VI, 221—238.
- Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва 1974.
- Современный коми язык, Сыктывкар 1955.
- Bátori, I. 1981, Die finnischugrische Vokalharmonie — ein Rekonstruktionsversuch. CIFU V, Pars VI, 34—40.
- 1982, Die Vokalharmonie in den finnischugrischen Sprachen und ihre Rekonstruktion für die Ursprache. — Zeitschrift für Sprachwissenschaft I, Göttingen, 151—170.
- Harms, R. 1981, The Rounding of Central Vowels in Upper Vyčegda Komi — CIFU V, Pars VI, 83—88.
- Itkonen, E. 1939, Der ostlappische Vokalismus vom qualitativen standpunkt aus. Mit besonderer berücksichtigung des inari- und skottlappischen. Lautgeschichtliche untersuchung, Helsinki (MSFOu LXXIX).
- 1953—1954, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tschermisischen und in den permischen Sprachen. — FUF XXXI, 149—345.
- Korenchy, E. 1974, Permi vokalizmusproblémák. — NyK 76, 37—76.
- Korhonen, M. 1981, Johdatus lapin kielen historiaan, Helsinki (SKST 370).
- Laanest, A. 1982, Einführung in die ostseefinnischen Sprachen, Hamburg.
- Mägiste, J. 1983, Estnisches etymologisches Wörterbuch I—XII, Helsinki (Finnisch-Ugrische Gesellschaft) (= EEWb).
- Molnár, F. A. 1974, On the history of word-final vowels in the Permian languages, Szeged (Studia Uralo-Altaica V).
- Rédei, K. 1969, Neue Aspekte zur permischen Vokalforschung. — UAJb. 41, 130—141.
- Rédei, K., Róna-Tas, A. 1972, A permi nyelvek ősermi kori bolgár-török jövevényszavai. — NyK 74, 281—298.
- Wiik, K. 1975, Vokaalisoinnun ongelmia (Turun Yliopiston Fonetikaan Laitoksen Julkaisuja 14).

ISTVAN BATORI (Koblenz—Bonn)

DER SCHWUND DER VOKALHARMONIE UND DER
PERMISCHE VOKALISMUS

In der vorliegenden Abhandlung wird die im Ergebnis der regressiven Assimilation entstandene Velarisierung der Vokale, die sich in Verbindung mit dem Schwund der Vokalharmonie in der permischen Ursprache offenbarte, betrachtet.

Der Autor zeigt, daß der Schwund der Vokalharmonie eine wichtige Rolle bei der Herausbildung des Vokalismus in den permischen Sprachen spielt und daß er mit verschiedenen Lautveränderungen (Velarisierung, Entstehung von Vokalen mittleren Öffnungsgrades, Labialisierung, Apokope) im System der phonematischen Kausalitäten verbunden ist.